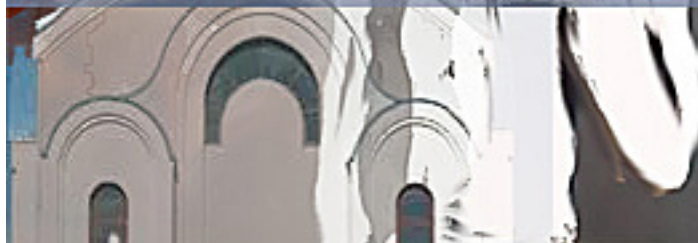

на паперти
галина трашина

галина трашина

На паперти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27339849

SelfPub; 2017

Аннотация

Какой опасностью или радостью может обернуться обыкновенный приём у врача. Тут можно встретить любовь и потерять свободу, то вообще, открыть мир заново. Не удивляйтесь... перемены поджидают человека в самых неожиданных местах. И это не всегда плохо. Вот и герои рассказа пережили фантастические перевоплощения, приключения всего за короткий час.

Содержание

Человек, не спеши, обдумай мимолетную мысль о риске, он не всегда оправдывается, и нажитый годами опыт, увы, может подвести...	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Человек, не спеши, обдумай
мимолетную мысль о риске,
он не всегда оправдывается,
и нажитый годами опыт,
увы, может подвести...**

НА ПАПЕРТИ

Коридор воспринимался бесконечной и угрюмой вечностью, разрезанной дверями, из которых то появлялись, то исчезали люди, растворяясь за ними, как в потустороннем мире. Чувствовалось приближение полудня, вместе с ним – духоты жаркого июньского дня.

Лица, с одинаковой маской вынужденного страдания, давно насытились друг другом. Каждый переживал сжигаемые скукой минуты на обособленном пяточке, чисто выбеленного помещения.

По субботам в психоневрологической клинике наступала разгрузка: на приём являлись самые отчаявшиеся. Страдалцы переминались с ноги на ногу, встречая заискивающим взглядом белый халат, от случайных прохожих втягивали в себя шею, стараясь не поднимать глаз. Если завязывался разговор, то непременно упоминалось, что здесь он или она

по причине сволочной жизни.

Врач в кабинете, в какой-то мере сочувствовал бедолагам, но с приёмом не спешил. Мысль: «Пусть ждут, заблудшие душонки», сегодня особенно напрашивалась на язык. Тем более, одна из таких душ находилась перед ним, повествуя битый час цепь трагических обстоятельств безвременной разбитой любви. Он цокал языком, прислушиваясь к желудку, просящему мирской пищи, и понимающе кивал головой. Женщину удовлетворяло сопереживание, и она бесконечно повторялась:

– Вот и представьте, Виктор Петрович, как тут быть счастливой...

Причитания оживляли её лицо гримасами жалостливых оттенков. Чувство женского разочарования высвобождалось в протяжном стоне. Соединяясь с воздухом кабинета, оно заполняло пространство утомительным гнётом. Сила несчастья возбуждала в Викторе Петровиче отвращение к ноющему люду. Утешало то, что терпение неплохо окупалось. Сегодня финансовый бонус служил хилым стимулом: мышцы томила слабость, мысли уносились на простор необитаемого острова, плохо спалось нынешней ночью. Отголоски странных, тревожных снов навевали неприятные предчувствия.

Врач держался из последних сил, растягивая губы в сми-

ренную улыбку, иногда, чтобы подавить возникающую зевоту. «Чёрт бы подрал время, тянется как прибитое», – ворчали мысли, превращая терпимость в безразличие. Было всё равно от кого и что выслушивать. Разница выражалась в том, что сидевшую – спокойно выдворит, вновь вошедшую – вряд ли, придётся распрощаться с обедом.

«Ну и денёк, – сокрушался Виктор Петрович, слушая краем уха бесконечное женское повествование, – впрочём, чего ждать после ночи, где сны решили свести с ума». «Зачем на сегодня назначил сеанс? И то верно, откуда знать, куда кривая заведёт, – отвечал на свой вопрос, пытаясь шутить: «Создатель, а Создатель, вроде поговаривают, ты мудрец, на кой ляд столько горемык?» И не исключал свою персону из числа тех, кого имел в виду. Плоский юмор помогал слабо: хотелось жалеть себя до беспредельности.

За тридцать лет работы в кабинете Виктора Петровича перебивало много народа. В лечении нуждалась лишь малая часть, имевшая «воспаление мозга». Как любил выражаться врач и умещал в подобное понятие все диагнозы. Остальное мыкающееся человечество делилось на бедолаг, ищущих сострадания, и неприятную категорию – алчущих избавления от греха, ссылаясь на нелады в голове.

Чтобы замаскировать разочарование изобрел хайку-философию. Исходя из придуманных правил, окрестил себя

«Жалотерапевтом». Губил одних лицемерием, других презрением. Сожалел, что истинно больных приходилось травить препаратами, подчиняясь общепринятой системе: что-то надо прописать, раз – обратились.

Виктор Петрович находил профессию психотерапевта и службу священнослужителя сродни, так как словесное воздействие имеет отношение к душе. Священник действовал открыто, врачу приходилось юлить между совестью и перестраховочными догмами. Где психический процесс является следствием взаимодействий биохимических веществ, доказанных наукой, а не показателем пресловутого духа. Поэтому придуманная философия компенсировала изувеченное самолюбие. Сохраняя частичку истины, забитую вглубь, способную к чистосердечной конкретности в отношениях с некоторыми людьми.

Как здравомыслящая личность, Виктор Петрович грезил об открытиях. Тешился надеждой, грянет час реализации накопленного опыта во благо науки. Но день за днём, душили однообразием серого быта.

Врач привычно размышлял, что выписать ноющей даме. Косился на обложку толстой потрёпанной тетради – медицинской карточки. Погладив пальцем обложку, пожалел время, потраченное женщиной на походы по больницам. «Фу! Бездельница», – вложил он в мысль ёмкость пустых дея-

ний. Нахлынуло желание сказать, ни пошла бы она, здоровая крепкая баба работать, да так, чтоб в голову не лезла всякая там любовь. Выразись таким образом – плакала премия, поэтому, не теряя с губ улыбки, предложил:

– Послушайте, Варвара Васильевна, давайте направлю вас на лечебный сеансик... а?

Женское личико застыло в возмущении...

«Да... киса чудо ждёт. Труд не про неё. Так-так», – обречённо вздохнул Виктор Петрович.

– Ми-ла-я, Варвара Васильевна, сочувствую и горюю с вами, хочется помочь, – завёл вновь разговор.

Женский взгляд смягчился, зато мужское терпение приблизилось к критической отметке: «Что расшибаюсь в самом деле, выпишу витамины, пусть глушит!»

Он потянулся за рецептурным бланком, но с языка слетело:

– Зря, зря отвергаете сеансики. Пришли бы, посмотрели, успокоились, приобрели новое видение на старые проблемы. Да со свежими силами – быка за рога! У вас, душечка, глазок замылился, как у того разведчика. Кто б шепнул, когда наш труд вознаградится. Так как?

Женский взгляд неотрывно следил за его рукой. Глубоко вздохнув, выписал размашистым почерком рецепт. Тот вмиг перекочевал в сумочку улыбающейся дамочки.

– Жаа-ль... не хотите.... Зря... сеансы творят чудеса: энергия усиливается, мышцы омолаживаются и одновременно подтягиваются, где требуется. Расслабляясь в нужном месте, давая отдых нервам. Кожа... кожа, ну спелый персик... без косметической операции молодеет. Мозг-зверь на одну десятую увеличивает рабочий потенциал, – принял личину Жалотерапевта Виктор Петрович, сдерживая смех от несущего вздора.

Взгляд пациентки, напротив, оживился...

– Что же сразу не объяснили милый, Виктор Петрович! Не первый день знакомы. С чего взяли, я... и против сеансов? Отнюдь, пользу отовсюду приму! Помните, последний возлюбленный уже не сетовал на моё скупое умение в приготовлении пищи? Благодаря вам, поваренную книгу проштудировала от А до Я. Спаситель мой! – выдохнула она и пустилась осыпать врача комплиментами...

Они ввергли в скучное раздумье: «Уж сто одна морщина, всё порхающая бабочка». Громкий голос пациентки выдернул из задумчивости.

– Весь во внимании! – поспешил он извиниться.

– Так вот говорю, всё равно удрал! Появилось следующее препятствие: по скорости мышления, видите ли, не устраивает.

ваю. Страшно подумать, что однажды новый муж заявит...

– Сеансы помогут, скажем, заточить разум, – ухватил врач момент.

Хорошо, что пациентка не расслышала выданной им фразы. Достав из сумки шёлковый платок, принялась аккуратно прикоснуться к ноздрям и уголкам глаз. Виктор Петрович потёр переносицу и кинул короткий взгляд на дверь.

– Ой! Засиделась, очередь поди собрала. Хорошо, народ в нашей стране терпеливый. Когда сеансик? – она взглянула на золотые часики, поправив застёжку на браслете.

– Сразу после обеда, – бодро оповестил врач, вставая из-за стола, давая понять: приём окончен.

– Как штык, в два часа на месте.

И грузная фигура поплыла к выходу.

Как только захлопнулась дверь, Виктор Петрович выдохнул изнеможение в смачном потягивании с хрустом немолодых костей. «Благодать какая. Поесть бы, да поспать», – привязалась утопическая мечта. Чтобы заглушить её, двинулся пританцовывая к окну. Это помогло размяться и сбросить навалившуюся усталость. «Жара однако, ладно, на обед пора», – подумал он, и возле вешалки чуть не наступил на невесомый газовый шарфик.

Подняв, ощутил исходящую приторность увядания женской прелести, поморщился от мысли, наверно, и от него от-

даёт безжалостным старением.

Бросив вещицу на кушетку, сложил губы трубочкой, покачал головой, осуждая забывчивость человечества. Собрался снять халат, но передумал, решив, в нём будет спокойнее. Вытащил из кармана брюк мелочь, потряс на ладони, прикинул, что хватит расплатиться за обед, сунул деньги обратно и открыл дверь.

Оказавшись сразу под прицелом не одной пары глаз, испытал давление, отчего предусмотрительно остановился на пороге. «Кажется, мной сейчас перекусят», – сообразил он и призвал на выручку изворотливость Жалотерапевта: повесил на лицо виноватую улыбку, придавая взгляду утомление, пояснил:

– Дорогие мои, режьте, ешьте солёно-перчёным, хоть так, хоть смяк, но провести сеанс до обеда не получается. Силушка не та, да и контингент сложный...

Люди вняли намёку: внимание дружно переместилось на удаляющуюся даму. Выждав, Виктор Петрович посоветовал:

– Вообще-то, перекусить не мешает каждому, с сытым животом всё нипочем.

Пока народ уяснял, с чем предстоит столкнуться, он повернулся в плотном людском кольце к двери и решительно вставил ключ. Щелчок в замке приказал людскому подсознанию расступиться. Живая стена дала трещину. Пройдя мимо

смирившихся, засеменял по лестнице, заметив на ходу, что в клинике неплохая столовая. Разочарованные взгляды провожали белый халат, именно так воспринимался равнодушный к их мучениям врач. Когда тот скрылся из виду, публика дружно выдохнула бремя не оправдавшихся ожиданий.

Коридор в человеческом восприятии ошетинился. Люди ссутулились, испытывая дискомфорт. Поданная доктором идея пришлась кстати, но воспользовались ею не все. Навязанная ситуация точно устроила экзамен.

Готовой к нему оказалась недавно подошедшая старушка. Наученная перипетиями жизни, она расположилась удобнее с зависшими над полом ногами в кресле узеньком и обтрепанном. Водрузив на колени сумку ровесницу прожитого века, бабушка извлекла узелок. Развязала ситцевые концы, обнажив на свет Божий содержимое перестраховочного варианта. Тут было два куриных яйца, аппетитный помидор, ломтик серого хлеба и чекушка с прозрачной жидкостью. Почмокав сухими губами, прищурилась на жидкий запас, отпила пару глотков и с невозмутимым видом стукнула яйцо о подлокотник стула. Треснутая скорлупа освободила дух вкрутую сваренного яйца. Он подтолкнул присутствующих к действию.

У кого имелись денежки, проследовали за доктором, обладатели пустых карманов ограничились прогулкой на свежем воздухе. Только женщина, подпиравшая спиной стену,

сползла на пол, присев на корточки.

Опустевшее помещение погрузилось бы в тишину, если не звук старушечьих губ, разлетавшийся эхом. Чавкающая бабуля всматривалась в сидевшую на полу. В чьём измождённом, согнутом теле, приблизительно среднего роста, чувствовался тридцатилетний возраст. Бабуся попыталась представить зажатое между колен лицо. В сознании возник синюшный оттенок щёк незнакомки. И чужилось похмельное амбре. Затем старуха принялась размышлять, какого же цвета потрепанные штаны на бедолаге. Пресытившись ребусом, переключилась на жалость. Находя в сгорбленной фигуре глубокую скорбь. Припомнилась молодость, где случалось перепивать по праздникам. Проникнувшись к незнакомке состраданием, решила... ту мучает жажда. Собралась предложить воды, открыла рот, но услышала мирное похрапывание.

«Спит!» – догадалась старушка и осторожно свернула скорлупки в тряпочку. Положила в сумку и затихла, прикрыв морщинистые веки. Не успев провалиться в послеобеденную негу, вздрогнула от резкого выкрика. Мутные от возраста глаза бессодержательно заморгали. Когда догадалась в чём дело, то увидела перед собой женщину, ранее сидевшую на полу. Облегчённо перевела дух, наблюдая, как та размахивала руками, неся белиберду. Женщина, словно испепеляла жгучим взглядом опасность, видимую только ей. «Ууу... да вона совсим худа. Молода яка. В отделение надить, а не на

гипнозу», – рассудила старушка.

Вскоре та успокоилась, сунула руки в карманы, оставаясь на месте, опасливо озиралась. Её сознание продолжало пребывать в известном только ему измерении. Неожиданно взгляд впился в бабулю. Старушка робко улыбнулась, но заводить разговор не спешила. Только когда страдальца рухнула на стул рядом, бабуля осведомилась:

– Внучк, а внучка, никак чаго привиделось? – приняв молчание за согласие к беседе, продолжила: – Я тожать сдремнула. На... вот, авось полегчает! – старушка протянула чечушку.

При виде посуды, лицо незнакомки сравнялось с известковой окраской стен и передёрнулось неподдельной судорогой. Женщина зажала рот обеими руками.

– Божечка! – спохватилась бабуля. – Дыши, дыши шибче. Я как лучше хотела! – перешла она на извинения, как только у той порозовели щёки.

– Замолчи, – услышала старушка подхриповатый голос.

– Ты что удумала?! – сообразила бабуля и рассмеялась. – Вода у меня с крану! Набрала коды сюды пишла. Неужто – помешат? – пыталась реабилитироваться бабка, заметив, как в болезненном взгляде собеседницы сверкнула искра, просящая влаги.

Бутылка подалась вновь. Рука женщины уже ждала. Остатки запаса осушились залпом. Бедняга облизала обветренные губы. Старушка виновато пожала плечами. Искренний жест подкупил незнакомку. Она благодарно посмотрела на спасительницу и стыдливо потупила взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.